

18+

Лилит Базян

Женский портрет

эссе о писательницах

Лилит Базян
Женский портрет.
Эссе о писательницах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522917
ISBN 9785449626479

Аннотация

Легко написанные увлекательные эссе о жизни писательниц. Вирджиния Вульф, Джейн Остин, Луиза Мей Олкотт... Любимые книги, яркие жизни.

Содержание

Вирджиния	5
Джейн	12
Мисс Холидей Голайтли. Путешествует	16
Трагический оптимизм Кэтрин Мэнсфилд	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Женский портрет

Эссе о писательницах

Лилит Базян

© Лилит Базян, 2019

ISBN 978-5-4496-2647-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вирджиния

Тонкий профиль. Волосы собраны на затылке. Задумчивость отведенного в сторону взгляда. Она родилась в 80-х годах XIX столетия в викторианской Англии, хрупкая чувствительная женщина, изменившая не только литературу, но и английский характер. Казалось, не победить зависимости от сурового отца, неизбежности чередующихся смертей – мама, любимый брат... – но задумчивая девушка с пером в руке затаилась, как рыбак на берегу пруда в ожидании добычи...

– Ты же не будешь снова покупать цветы, – сказал ей Леонард.

Милый. Он считает опасным подвергать ее нервы такому испытанию, как поход за ирисами. Но в такой солнечный майский денек, как будто звенящий весеннею радостью, трудно оставаться дома. Миссис Леонард Вульф в нерешительности стояла посреди улицы. Она решила купить розы. Лучше розы, бардовые, как будто траурные, мама любила такие. Протяжный звон Биг-Бена ворвался ей в уши, и Вирджиния вдруг сразу услышала гудки машин, суету пешеходов, выкрики уличных продавцов. Господи, не хватало только попасть под омнибус. Она вся подобралась, такая стройная, высокая, слегка коснулась пальцами прозрачной ручки и «дзинь, дзинь» чуть звякнул дверной колокольчик ма-

газина мисс Пимбилтон. Дзинь. Всего один раз, как Биг-Бен. «Уже час», – вдруг подумала миссис Вульф. Леонард не любит пить чай в одиночестве. Наверняка его пригласили на ленч. А она сегодня одна. Она купит розы и пойдет гулять в Риджентс-Парк. И кто-то подумает, взглянув в ее сторону: «Какая прелестная женщина...» Нельзя пропускать такое солнце. Она обожает солнце, с самого детства. Летом, когда они уезжали на остров в Сент-Ивз, ее было не загнать в дом. «Ты мне нужна на минуточку», – кричала мама, и Вирджиния останавливалась резко, с разбегу, задыхаясь от переполненного зноем сердцебиения, и махала, махала, махала даме в белом на высоком балкончике. Еще несколько дней, и они поедут в Сассекс. Будут гулять с Леонардом вечерами, любоваться закатами. Она никогда не забудет, как он вошел тогда, в Блумсбери, прямо в гостиную и встал посреди комнаты. С трудом сдержалась, чтобы не крикнуть: «На вас же смотрят!», – чуть не ударила, чуть не выбежала вон. Он делал ей предложение, весь дрожал, такой чувствительный. Боялся, что она выскочет за этого интеллектуала Стречи. «Глупости», – сказала Вирджиния. «Глупости», – повторила она и подняла голову вверх, навстречу нарастающему шуму. Аэроплан кружил над городом.

Вирджиния Вульф – признанная английская писательница. Ее личность и по сей день вызывает интерес. Популярный американский прозаик Майкл Каннингем создал в 1999 году бестселлер «Часы». Книга была экранизирована, и смя-

тенный встрепанный образ Вирджинии Вульф в исполнении изуродованной, зачем-то, аляповатым носом Николь Кидман дошел и до нашей страны. Каннингем, по большому счету, не стремился создать точный образ писательницы. Скорей он занимался, как это формулируют современные критики, «деконструкцией текста» ее романа «Миссис Дэллоуэй». Пост-модернистские штучки. Поэтому не стоит так уж обижаться на него и обвинять в несправедливости. Поразительно другое. У многих имя Вирджинии четко ассоциируется с заголовком знаменитой пьесы Олби: «Кто боится Вирджинии Вульф». Изрядно, однако, подпортили американцы репутацию нашей милой английской леди. Теперь ее принято бояться. «Опасное животное» отзывается о ней режиссер фильма «Часы» Стивен Долдри. Феминистка. Умная, язвительная женщина. Но разве ум лишает женственности, отнимает способность чувствовать, любить? Ей отвели безвоздушное книжное пространство. Посадили в клетку интеллектуализма. Как же порой удушлив бывает литературный анализ. Обращают внимание на все, кроме того, о чем она пишет. «Поток сознания» – главный приговор хладнокровных аналитиков. К ее произведениям это так же относится, как к любому стихотворению, в котором нет сюжета, лишь переживание момента. Джойс, которым она несомненно восхищалась, Джойс – другое дело. В «Улиссе» он тщательно прослеживает развитие английского языка. Русскому переводчику пришлось начинать работу почти со ста-

рославянского, чтобы закончить роман современным сленгом. В джойсовском романе герой все-таки текст, хотя можно нарисовать множество табличек с параллельными главами из гомеровской «Одиссеи». Но ставила ли перед собой сходную цель Вирджиния Вульф? Погружается ли она в бездонные потоки подсознания? Перед вами отрывок из романа «Волны», единственного произведения Вульф, полностью лишённого голоса автора и какого-либо взгляда со стороны.

«— Через щелку в листе, — Сьюзен говорила, — я увидела: она его целовала. Я подняла голову от моей герани и глянула через щелку в листе. Она его целовала. Они целовались — Джинни и Луис. Я стисну свою тоску. Зажму в носовом платке. Скручу в комок. Пойду до уроков в буковую рощу, одна. Не хочу я сидеть за столом, складывать числа. Не хочу я сидеть рядом с Джинни, рядом с Луисом. Я положу свою тоску у корней бука. Буду ее перебирать, теревить. Никто меня не найдет. Буду питаться орехами, высматривать яйца в куманике, волосы станут грязные, я буду спать под кустом, воду пить из канавы, так и умру».

Одно мгновенье, одно переживание, полное обиды, слез или радости — это и есть жизнь. Потому что только в этот момент человек существует, и нет нужды ни в прошлом, ни в будущем. Не фабула и сюжет создают судьбу, а такие вот миги. Последовательность событий становится излишней. Ее попросту нет, хотя герои «Волн» проживают от рождения до самой смерти. Развиваются они, а не текст. «Я хо-

чу пропитать, насытить каждый атом, – это уже из дневника Вирджинии, – то есть изгнать всю тщету, мертвость, все лишнее. Показать мгновение во всей полноте, чем бы оно ни заполнялось... «Зачем допускать в литературу все, что не есть поэзия?... Я хочу все вместить; но пропитать, насытить».

Вирджиния умела переживать мгновения жизни во всей их полноте.

В 1904 году, после смерти отца, Вирджиния вместе с братьями и любимой сестрой Ванессой переселяется в одни из центральных районов Лондона – Блумсбери. Здесь, в доме на Гордон-Сквер, зародится общество ценителей искусства, центром которого станет Вирджиния – «Блумсбери групп». В то время они были молоды и горячи. Им казалось, что нет большего смысла, чем жить ради жизни, заниматься искусством во имя его самого. В гармонии и красоте им виделось спасение мира. «Блумсбери групп» не было замкнутым сборищем, заикленных на собственных идеях людей. Хотя их и называли «высоколобыми», им удалось ощутимо повлиять на культурную жизнь Англии. В 1910—12 годах участниками «Блумсбери групп», в частности искусствоведом Роджером Фраем, в Лондоне была организована выставка импрессионистов, что для столицы, все еще пребывавшей в плену викторианской эпохи, оказалось настоящим потрясением. В те же годы Вирджиния, в девичестве Стивен, становится женой Леонарда Вульфа – журналиста, пи-

сателя, одного из членов их интеллектуального сообщества. Союз, построенный на любви, оказывается не менее творческим. В 1917 году супруги основывают издательство «Хогарт-Пресс», в котором и публикуется Вирджиния, а также Т. С. Элиот, Кэтрин Менсфилд, Фрейд... Яркая и обаятельная, Вирджиния по-прежнему центр литературного салона, который собирается теперь у них в гостиной. Писателями, художниками, искусствоведами не оскудевает их дом. Сюда их влечет неутолимая жажда «неуловимая суть», таящаяся за каждой песчинкой этого мира и в гостеприимном доме супругов Вульф.

Любая смерть кажется странной, ничем не оправданной. В особенности смерть самоубийцы. 28 марта 1941 года Вирджиния Вульф утопилась в реке Оуз, в Сассексе, неподалеку от своего загородного дома. Современные психиатры нашли оправдание этому поступку в болезни писательницы. Она действительно слышала голоса и страдала нервными расстройствами. В посмертной записке она написала мужу, что была счастлива с ним. «I don't think two people could have been happier than we have been». Дважды звучит в письме эта фраза. Стоит ли трактовать ее дальнейшие действия, как отказ от прежнего счастья и жизненной полноты? «Взяла и все выбросила», – сказала бы миссис Дэллоуэй. Но это не случай Вирджинии. В ней уживались все состояния одновременно, подобно тому, как вечность уместается в мгновении. Ей было 59. Из хрупкой девушки с тонким профилем

она превратилась в насмешницу мисс Марпл. Подперев щеку рукой, немного удивленно она смотрит на нас с поздних фотографий. Именно тоном ехидной старушки поучает миссис Вульф юных поклонников, осмеливающихся задавать ей вопросы на английском сайте-мистификации. Да, она не прочь пошутить. Чего ей стоит превратить героя в середине повести из мужчины в женщину.

О чем она думала эта английская леди, погружаясь в воду? Любовалась бликами заходящего солнца, прислушивалась к затихающему шелесту листьев? А может шептала, зажмурив глаза: «Спасибо, спасибо, спасибо... Спасибо за все!»

Когда Леонард, обнаружив записку, прибежал к реке, он увидел, как вниз по течению скользит трость его жены.

Волны разбились о берег.

Джейн

«Долгожданное событие, осуществившись, вовсе не приносит ожидаемого удовлетворения. Приходится поэтому загадывать новый срок, по истечении которого должно будет наступить истинное блаженство, и намечать новую цель, на которой сосредоточились бы помыслы и желания, с тем, чтобы, предвкушая ее осуществление, испытать радость, которая сгладила бы предшествовавшую неудачу и подготовила к новому разочарованию».
«Гордость и предубеждение»

Живость ума и веселость нрава весьма ценились в английском обществе XVIII – XIX веков. Думается, и в наши дни подобные достоинства не останутся неоцененными. Юные барышни по-разному пользуются дарами, коими наделяет их щедрая матушка природа. Кому-то нравится блистать в высшем обществе, кто-то предпочитает стоять в сторонке и посмеиваться в кулачок над разыгрываемыми сценами из человеческой комедии. Такова Лизи из знаменитой «Гордости и предубеждения», такова героиня другого романа, рассудительная Энн Эллиот, такова была сама Джейн. Мы не претендуем на достоверность изображаемого нами портрета, лишь набрасываем штрихи, ведомые интуицией. «Чем больше я наблюдаю мир, тем меньше он мне нравит-

ся», – признается Лизи сестре. Насмешница Остен красноречиво живописует в письмах сестре Кассандре сплетни и нравы своего времени. Сомерсет Моэм, покоренный изяществом ее стиля, приводит с десяток цитат в своем эссе о писательнице: «У одиноких женщин наблюдается жуткая тяга к бедности, что и служит одним из веских доводов в пользу брака»; «Вы только подумайте, миссис Холдер умерла! Бедная женщина, она сделала все, что было в ее силах, чтобы ее перестали поносить»; «Вчера миссис Хэйл из Шерборна от испуга родила мертвого ребенка за несколько недель до того, как он ожидался. Полагаю, что по неосторожности она посмотрела на своего мужа». Метко сказано. Однако, если учесть, что письма писались без расчета на публикацию, а лишь как доверительный разговор двух сестер – автор из хрупкой и чувствительно барышни XIX века, ведь так принято представлять девушек, пишущих о любви, превращается в холодную, язвительную и, не побоюсь этого слово, бессердечную англичанку, не питающую особых иллюзий по поводу этого грешного мира. Вирджиния Вульф в статье «Джейн Остен» подчеркивает, как боялись окружающие меткого язычка Джейн. «Она обладала трезвым взглядом на жизнь», – слышу я голос воображаемого критика. Трезвость подразумевает под собой четкую уверенность в эгоизме и мелочности человеческого существа. Поэтому так трудно ее героиням не ошибиться в выборе возлюбленного, потому долгожданному принцу необходимо пол-

ностью, кардинально, преобразиться, и из надменного, напыщенного, равнодушного или излишне робкого и слабого чудесным образом превратиться в великодушного, тонкого, удивительно близкого, жутко необходимого, того самого, в конце концов. Потому так важно ему совершить подвиг, спасти от позора невинную девушку, разоблачить негодяя и завоевать, заслужить тем самым любовь принцессы-главной героини. Но увы, такое случается лишь в романах Джейн Остен. В обычной жизни придется запастись некоторым количеством снисходительности и доброты, без которых трудно разрешить людям оставаться людьми.

В аннотации к небольшому изданию, приобретенному мною в книжном на Тверской, в котором каждая страничка украшена золотой каемочкой, а длинной матерчатой закладкой можно отмечать наиболее полюбившиеся из иллюстраций Хью Томсона, написано, что «Доводы рассудка» – самое автобиографичное произведение писательницы. Удивительно увлекает. Переворачиваешь страницу за страницей и не оторваться. Этому феномену Остен удивлялось не одно поколение читателей. Энн Эллиот, героиня, совершила ошибку, поддалась разумным уговорам тетушки и разорвала помолвку с любимым. Но он возвращается, появляется собственной персоной где-то на 70-й странице. На мой взгляд, излишняя уступка любопытству читателя. Героиня в книге только одна, и мир романа – мир ее переживаний. Он приехал, он больше не любит ее, рассказывают, что он ухажива-

ет за другой, он прошел мимо, взглянул, повернулся, сейчас он объяснится. Настолько велик накал ожидания, что любое оправдание одного неминуемо разочарует. Так было в пятнадцать, когда хотелось влюбленности и не волновало, существует ли предмет любви на самом деле. Главное можно гре-зить о нем и писать стихи. Так до конца повести и ждешь, когда же он скажет главное, а он все: «Вы надрываете мне душу. Я раздираем между отчаянием и надеждою. Не гово-рите же... Сердце мое полно...» – все не то, не то.

Она так и не вышла замуж в отличие от своих героинь. Впрочем, и о них мы не можем ничего сказать с уверенно-стью. Это экранизации предоставляют нам пышную картину обвенчавшейся пары, торжественно усаживающейся в эки-паж и удаляющейся в сторону горизонта, а точнее богатого замка с великолепным парком вокруг. Автор же отделяется сухой фразой: «Кто же не догадается о том, что бы-ло дальше? Если уж молодые люди забрали себе в голову со-единиться, они непременно добьются своего...»

Губительны для сердца доводы рассудка.

Мисс Холидей Голайтли. Путешествует

Тоненькая фигурка, словно пронизанная солнцем насквозь, соломенные, рыжеватые пряди коротко подстриженных волос, мечтательный с прищуром взгляд серо-зеленых с голубоватыми бликами глаз – этот воздушный образ девушки, в которую необъяснимым образом влюбляются мужчины и недолюбливают женщины, для многих синоним легкомыслия и светскости, красивой жизни и магазинов фирмы Тиффани. Однако, если повнимательней вчитаться в небольшую повесть Капоте, полностью погрузиться в ее атмосферу, оказывается, что за первым слоем легковесности и «социальной комедии», как прозвали книгу критики, скрыт второй, более глубокий и, конечно же, главный.

Место действия Нью-Йорк. Город широких проспектов и узеньких пустынных улочек, небоскребов и шумной толпы, грохочущего сабвея и джазовых клубов, изнывающий от жары или осенней скуки. В «Завтраке у Тиффани» перед нами Нью-Йорк небогатых людей. Можно сказать, что весь город сводится к большому темному дому на одной из семидесятих улиц Ист-Сайда и к бару Джо Белла за углом, на Лексингтон-авеню, откуда удобно звонить из телефона автомата, и где приятно пропустить стаканчик другой виски.

На заднем плане изредка мелькают остальные питейные заведения, где бывает Холли, магазинчики, городской парк и, необходимый атрибут любого американского сюжета, тюрьма Синг-Синг, в которой она навещает знаменитого мафиози Салли Томато. В этом нет ничего удивительного. Мир книги существует за счет, или скорей, вокруг Холли Голайтли. Она поглощает все внимание читателя и рассказчика, у которого даже нет имени, только прозвище – Фред, данное ему той же Холли в честь брата.

С первых страниц мы узнаем о ее существовании. Вначале, так невнятно, как непроверенный слух, до нас доходит, что девушка, возможно, в Африке, ее видели у хижины одного негра, резчика по дереву. Потом мы замечаем ее карточку на почтовом ящике: «мисс Холидей Голайтли», и в нижнем углу: «Путешествует». И вот появляется она сама, в полумраке лестничного пролета под возмущенные крики мистера Юниоши, который очень не любит, когда она возвращается так поздно, а все из-за того, что Холли снова потеряла этот дурацкий ключ. Мадам Сапфия Спанелла вполне справедливо недолюбливает юную гуляку. Девушка ведет далеко не благочестивый образ жизни. «Любой джентльмен с маломальским шиком даст полсотни на уборную, а я всегда прошу и на такси – это еще полсотни». И все-таки, язык не повернется назвать ее женщиной легкого поведения. Она не влезет в такое приземленное определение.

Холли держит кота и играет на гитаре. Ее квартира – ме-

сто временной стоянки с нераспакованными ящиками и чемоданами вместо мебели. Когда-нибудь, когда она найдет свое место и будет чувствовать себя, как у Тиффани, так же спокойно и уверенно, как среди добрых хорошо одетых людей и крокодиловых бумажников, она купит мебель и даст коту имя. Но как это осуществить? Стать миллионершей миссис Резерфорд Троулер? Выйти замуж за толстощекого мужчину-ребенка? Да скорее она купит огромную клетку и посадит туда множество несчастных птиц. Может быть Жозе, будущий президент Бразилии? «Жара. Джунгли. Мне бы подошло». Но как не под силу остановить пляску солнечному зайчику на стене, лишь замереть на мгновение, так же невозможно неприкаянной душе обрести покой в буржуазном доме, среди дорогих и красивых вещей, даже если они от Тиффани.

«Диких зверей любить нельзя: чем больше их любишь, тем они сильнее становятся. А когда наберутся сил – убегают в лес. Или взлетают на дерево. Потом на дерево повыше. Потом в небо. Вот чем все кончается, мистер Белл. Если позволишь себе полюбить дикую тварь, кончится тем, что только и будешь глядеть в небо».

И она улетает в конце повести. Рассказчику остается лишь хранить воспоминания и щедрые подарки Холли, да бродить по улицам в поисках безымянного кота, которого она имела неосторожность прогнать, решив, что не любит его.

Трумен Капоте родился в 1924 году в Новом Орлеане

и прожил там первые восемнадцать лет жизни. Его детство не было счастливым. Родителей он мало заботил и воспитывали его, в основном, тетушки в Алабаме, куда мальчика отправляли каждое лето. Об этой поре детских проказ и летних каникул лучше всего написано в знаменитой книге верного друга всей его жизни, Нелл Харпер Ли «Убить пересмешника».

В 42-ом Капоте оказывается в Нью-Йорке, и здесь начинает развиваться его литературная карьера. В 48-ом выходит первая повесть «Другие голоса, другие комнаты», встреченная критиками с восторгом и удивлением, как может такой молодой человек, так хорошо писать. Ничего удивительного – к тому времени он пишет уже шестнадцать лет.

Писательство стало и спасением и гибелью. Чем больше Трумен шлифует талант, приобретает популярность, тем глубже уходит он в мир нью-йоркской богемы, окунается в круговорот светской жизни, полной однодневных романов и шумных вечеринок. В 66-ом году Капоте становится известным на всю Америку, благодаря документальному роману «Хладнокровное убийство», о двух молодых психопатах, истребивших канзасскую фермерскую семью. Очередная попытка проникнуть в человеческую душу делает из писателя не просто стороннего наблюдателя. Капоте единственный видит в двух жестоких убийцах испуганных мальчишек, разговаривает с ними, пытается, даже, изменить решение суда, а после присутствует на их казни. Мотив преступления оста-

ется не разгаданным.

Откуда мы родом и где наше пристанище?

По воспоминаниям одного из друзей писателя, к 1984 году, году смерти, круг общения Трумена сильно поредел: «Остроты его стали язвительны, а воображение искажало действительность почти до полной неузнаваемости». Его постоянно определяли в различные центры реабилитации для наркоманов и алкоголиков, откуда он неизменно сбегал. И когда тот же близкий друг сказал ему однажды напрямик, что необходимо бросить пить, иначе он умрет, Трумен поднял на него глаза полные слез и прошептал: «Пожалуйста, дай мне уйти. Я хочу уйти».

В этом году на русский язык впервые переведен роман Трумена Капоте, в течение шестидесяти лет считавшийся утраченным, чье название, пожалуй, точнее всего отражает взгляд писателя на то, что мы обычно называем жизнью – «Летний круиз».

«...мне о многом хотелось ей написать: я продал два рассказа, прочел, что Троулеры затеяли развод, выехал из старого дома – меня одолели воспоминания. Но главное, мне хотелось рассказать ей о коте. Я выполнил свое обещание: я его нашел. Для этого мне пришлось неделями бродить после работы по улицам испанского Гарлема. Не раз передо мной вдруг мелькал тигровый мех, а потом оказывалось, что это ложная тревога. Но однажды зимой, в холодное солнечное воскресенье, я на него наткнулся. Он сидел среди

чистых кружевных занавесок, между цветочных горшков, в окне уютной комнаты, и я спросил себя, какое ему дали имя – я был уверен, что имя у него теперь есть, что он нашел, наконец, свое место. И будь то африканская хижина или что-нибудь другое, – надеюсь, что и Холли нашла свое».

Трумен Капоте «Завтрак у Тиффани»

Трагический оптимизм

Кэтрин Мэнсфилд

Фанни и Джордж молодожены. У них медовый месяц, и они проводят его в небольшом городке на Средиземном море, в Испании. Небо, солнце, фонтан на площади, зонтичные пальмы, столики на веранде кафе – счастье состоит из мелочей. Фанни едет с мужем в фиакре и размышляет о том, почему все, что он говорит, звучит так чудесно. А ему хочется прыгать на пенящихся волнах, купить огромный дом вроде того, который они только что проехали, и завести в нем множество слуг. Они немного побаиваются холеного метрдотеля, похожего на рыбу, встречающего гостей у входа в отель-ресторан. Чай и эклеры – это все, что им необходимо. Небольшой оркестрик в углу веранды готовится к выступлению. Высокий старик с седыми волосами. Сейчас он будет петь. И вдруг его голос оказывается таким тонким, таким слабым и беспомощным, что все на веранде замолкают от удивления. Вот она – старость, бессилие, одиночество и нищета. Фанни неожиданно понимает, сколь неизмерима глубина человеческого несчастья. Ей становится стыдно за свою беззаботную любовь, и она оборачивается к мужу. Но Джордж, желая удержать ускользающую радость, весь наполненный ощущением открывающейся пе-

ред ним жизни, с бессердечностью юности шепчет: «Фанни, милая, пойдём в отель. Пожалуйста, Фанни, прямо сейчас».

Ее звали Кэтлин Бичем. Она родилась 14 октября 1888 года в Веллингтоне, в Новой Зеландии. Миру она станет известной под именем Кэтрин Мэнсфилд. У ее отца, банкира Гарольда Бичема и его жены Эни было еще трое дочерей, помимо Кэтрин, а после родился сын Лесли, любимый брат, трагически погибший во время Первой мировой. Кэтрин запомнился неспешный мир детства, в котором лениво, напоенные солнцем, проходили дни. «Пикник», «Прелюдия» — она не раз опишет, как была счастлива.

В 1903 году три старших дочери отправляются в Англию, в Лондон, завершать образование в закрытом и весьма престижном учебном заведении под названием «Куинз Колледж». Там Кэтлин Бичем превращается в Кэтрин Мэнсфилд и решает посвятить жизнь писательству. Там она зачитывается Уайльдом, увлекается символистами, живо интересуется поэзией. Возможно, именно там начинается ее любовь к Чехову, чьим английским отражением ее принято считать и по сей день. Одним словом, тихая, беззаботная жизнь в Новой Зеландии больше не подходит этой девушке. Вернувшись домой, она только и грезит о том, как бы уехать обратно в Лондон. Родительское согласие на отъезд Кэтрин удастся получить не раньше, чем ей исполнится двадцать.

Бывают люди с внутренним ощущением счастья

В одном интервью Татьяна Толстая сравнивает два рас-

сказа: Мэнсфилд и Чехова, которого английская писательница действительно считала своим учителем. Кэтрин взяла знаменитый рассказ «Спать хочется» и написала свой вариант. Небольшую повесть. В ней сирота Варька, задушившая в полусне и безумии ребенка, становится мечтательницей, грезящей наяву, вспоминая о чем-то, думающей, живой. Совсем не о том она написала, о чем хотел Чехов. У него – беспросветная российская действительность, которая только нам и понятна, у нее – маленькая жизнь, даже если горестная и одинокая, все равно счастливая, где-то внутри, потому что живая. Толстая предлагала сравнить эти два рассказа своим американским студентам. «Ни один человек не предпочел рассказа Чехова. Всем понравилась эта мыльная опера, которую развела эта Кэтрин Мэнсфилд», – возмущается она.

Есть у Мэнсфилд и «чеховские» рассказы. Она знала о том, какова жизнь, когда каждый день приходится бороться за кусок хлеба, выбивать себе место под солнцем. Во второй раз Лондон встретил ее уже не так гостеприимно. Небольшой суммы денег, выделенной отцом, хватало лишь на оплату самой скромной комнаты. Какое-то время ей даже пришлось гастролировать по провинции с оперной труппой в качестве хористки. Именно в ту пору у нее начался туберкулез, ставший причиной ранней смерти писательницы.

«Чеховским» считается рассказ «Жизнь матушки Паркер». Старую поденщицу постигает тяжелое горе – умирает ее внук, единственная ее радость. Вся ее жизнь состоя-

ла из непосильного труда, маленький лучик света, и тот отобран. И не с кем даже разделить скорбь. Нет для нее места на земле.

Рассказ «Муха» повествует о человеке, потерявшем в недавнем прошлом любимого сына. Однако, несчастье, которое когда-то казалось неизбежным, улетучилось. Героя больше забавляет муха на промокашке, пытающаяся выбраться из-под обрушивающихся на нее чернильных капель. Равнодушие поглотило мир. И все же подобные рассказы вполне могли принадлежать перу любого талантливого поклонника психологической прозы. Кэтрин нашла свою интонацию. Ее почерк легковесен, но в нем кроется любование каждой мелочью ускользающей жизни. И каждая из этих мелочей наполняет ее смыслом.

Усталая Розабел, из одноименного рассказа, оживляет в памяти только что прожитый, полный забот, день. Она – продавщица шляп в магазинчике. Ах, как трудно угодить покупателям. Вечером, добравшись до каморки, в которой живет, она грезит о красивом кавалере, богатой обстановке, сытом горячем обеде, о родовом поместье, куда они с мужем отправятся сразу же после свадьбы. Она засыпает, закутавшись в одеяльце, и продолжает мечтать, уже во сне. «Холодные пальцы рассвета сомкнулись на ее непокрытой руке, серый день проник в унылую комнату. Розабел поежилась, не то всхлипнула, не то вздохнула и села. И оттого, что в наследство ей достался тот трагический оптимизм, кото-

рый слишком часто оказывается единственным достоянием юности, еще не совсем проснувшись, она улыбнулась чуть дрогнувшими губами».

... «Когда же, танцуя со следующим кавалером, Лейла случайно столкнулась с толстяком и он на ходу извинился перед ней, она ответила ему самой лучезарной из своих улыбок. Она его не узнала». *Лейла ехала на бал в кэбе со своими кузинами, и ей хотелось смеяться и плакать одновременно. Так трудно делать вид, что все происходящее вокруг обыденно и не интересно. Она опустила руку на подлокотник, и ей показалось, что невидимый кавалер кружит ее в вихре вальса, а мимо проносятся столбы, дома, деревья. Все волновало ее в этот вечер. Туберозы Мэг, янтарные бусы Джоз, бесконечная вереница кэбов перед гимнастическим залом, тесная и шумная дамская комната, прелестные серебристо-розовые программки с розовыми карандашиками на пушистом инурке, мороженое на очаровательной стеклянной тарелочке с очаровательной, но очень холодной ложечкой, словно ее тоже заморозили... Неужели восемнадцатилетней девушке на ее первом балу может что-то не показаться чудесным. Кавалеры приглашают ее один за другим. Томные, немного скучающие денди. Но вот перед ней толстяк в мятом жилете. Он так жалок, так неуклюж в сравнении с остальными. Он обнимает ее за талию и тихо шепчет на ушко, что маленькая леди наверняка в первый раз на балу. Его не проведешь, у него тридцатилетний*

стаж. Он-то знает, что очень скоро маленькая леди будет сидеть вместе с раздобревшими мамашами в золоченых креслах на возвышении и рассказывать всем, что какой-то нахал пытался поцеловать ее дочь на балу в клубе. А ее саму никому больше не захочется поцеловать. Лейле расхотелось танцевать. Все правда, но зачем же было говорить ей об этом. Чего он добился, злобный толстяк. Теперь она больше никогда не будет счастлива, подавленная горем, не сможет даже вежливо улыбнуться в ответ на приветствие. Разве только потанцевать в последний раз, самый последний. С королевской покорностью она возлагает руку на плечо молодому человеку с вьющимися волосами. Один поворот, ноги заскользили по паркету, и все смешалось – огни, азаши, платья, розовые лица

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.